

Религиоведение. 2023. № 2. С. 89–102.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 89–102.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_89

Ягафова Е.А.

*Самарский государственный социально-педагогический университет
443099, Россия, г. Самара, ул. Горького, д. 59
yagafova@yandex.ru*

«Мы вас поминаем, но вы о нас не вспоминайте»: современные мемориальные практики православных чувашей

Аннотация. В статье рассмотрены современные мемориальные практики православных чувашей: поминальные обычаи после смерти человека, общие ежегодные поминовения предков, жертвоприношение, организация поминальной трапезы, одаривание участников ритуала, устройство кладбищ и могил, новации. В ходе анализа материала охарактеризована взаимосвязь традиционных элементов и новаций, возникших в том числе под влиянием современных информационных технологий, в процессе функционирования и формирования новых культовых практик, связанных с поминовением предков. Работа основана на полевых материалах автора, собранных в разных районах проживания чувашей в Урало-Поволжья. Исследование показало, что в современных мемориальных практиках православных чувашей частично сохраняются элементы традиционных (чувашских) поминальных обрядов, которые особенно заметны в обрядах жителей конфессионально-смешанных (православно-языческих) селений. Однако в своей основе мемориальные практики носят христианский характер и ориентированы на календарные даты, акциональную и атрибутивную стороны православной поминальной культуры. Под влиянием урбанизации, усиливающейся роли РПЦ в российском обществе, глобализационных процессов они трансформируются: смещаются сроки проведения отдельных ритуалов, внедряются новации в атрибутику, мемориальные практики всё больше интегрируются в современное информационно-коммуникационное пространство.

Ключевые слова: православные чуваша, мемориальные практики, поминальные обычаи и обряды, новации

Ekaterina A. Iagafova

*Samara State University of Social Sciences and Education
59 Gorkogo str., Samara, 443099, Russia
yagafova@yandex.ru*

“We Do Commemorate You, but You Should not Remember Us”: Modern Memorial Practices of the Orthodox Chuvash

Abstract. The article examines modern memorial practices of the Orthodox Chuvash: memorial ceremonies after a person's death, general annual commemoration of ancestors, sacrifice, organization of a memorial meal, gifting the ritual participants, arrangement of cemeteries and graves, innovations. While analyzing the material, the author characterizes the interrelation of traditional elements and innovations, which arose, inter alia, under the influence of modern information technologies, in the process of functioning and forming new cult practices associated with the commemoration of ancestors. The research is based on the author's field materials collected in different areas of the Chuvash residence in the Ural-Volga region. The study showed that in modern memorial practices of the Orthodox Chuvash, elements of traditional (Chuvash) memorial rituals are partially preserved, which are especially noticeable in the rituals of people in confessional-mixed (Orthodox-pagan) villages. However, at their core, memorial practices are Christian in nature and are focused on calendar dates, actional and attributive aspects of Orthodox memorial culture. Under the influence of urbanization, increasing role of the ROC in Russian society, as well as globalization processes, they are being transformed: the dates of certain rituals are shifted, innovations are introduced into attributes, memorial practices are increasingly integrated into a modern information and communication space.

Key words: Orthodox Chuvash, memorial practices, memorial rituals and ceremonies, innovations

Введение

Мемориальные практики, несмотря на свою достаточно консервативную природу, адаптируются к новым социальным условиям и технологическим изменениям. Актуальным вопросом исследования современных мемориальных практик в этнической культуре является изучение влияния на них глобализационных процессов и новых информационных технологий. Исследователи склоняются к тому, что влияние глобализации выражено, с одной стороны, в тенденции унификации религиозных практик и поиска новых форм [Городнева, 2015, 15] которые приводят, в частности, к их виртуализации [Белоруссова, 2021; Забияко, Воронкова, Лапин, 2012], в том числе и мемориальных практик [Ксенофонтова, 2011; Зимова, Фомин, 2020], а с другой стороны, отмечается возрастающая взаимосвязь религиозного и этнического факторов в обществе, рост значения религии в культурной, социальной, политической сферах, что стало причиной «религиозного возрождения», десекуляризации общества (П. Бергер) [Яковлев, 2013; 2015; Карпов, 2012; Тициан, 2016].

Современные тенденции в развитии религиозности общества определяются исследователями как «плюрализация» [Бергер, 2011, 106], «религиозный индивидуализм», «бриколаж» (Д. Эрвьё-Леже) [Трофимов, 2016], постсекуляризация [Хабермас, 2002; Узланер, 2013]. Последняя определяется как процесс возвращения религии в публичную жизнь и характеризуется, по мнению исследователей, вариативностью, синкретичностью, неопределённостью (размытостью) религиозных представлений (верований, образов, идей) [Радугин, Радугина, 2017]. Особую значимость в ситуации «ценностной неопределённости» приобретают религии «старых традиций», которые приобретают «новую энергию» [Кырлежев, 2013, 173]. В этой связи представляет интерес исследование религиозности в этноконфессиональных сообществах с традиционными религиями, к которым относятся и чуваши.

Религиозность в разных этноконфессиональных группах чувашей, представленных православным большинством и малочисленными группами некрещёных чувашей, мусульман и приверженцев других христианских течений, определяется сегодня влиянием социальных трансформаций и общей религиозной ситуации в российском обществе. Как проявляется современные тенденции в развитии религиозности в ритуальных практиках чувашей, в том числе и мемориальных? Данная проблема решена в настоящей статье на примере поминальной обрядности православных чувашей.

Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на обширную историографию, включающую труды таких известных учёных и краеведов XVIII – середины XX вв., как П.С. Паллас [Паллас, 1773], В.А. Сбоев [Сбоев, 2004], С.М. Михайлов [Михайлов, 1972], Д. Месарош [Месарош, 2000], К.П. Прокопьев [Прокопьев, 1903], [Денисов, 1959] и др., по теме похоронно-поминальных обычаев и обрядов до настоящего времени «отсутствуют системные и логически последовательные исследования, из которых можно было бы получить цельное представление о теме» [Салмин, 2007, 281]. Что касается изучения современных мемориальных практик, то научные исследования по этой теме ограничены несколькими публикациями, относящимся к локальным группам чувашей, и представлением её в рамках других тем [Симбирско-Саратовские чуваше, 2004; Сергеева, 2011; 2021; Чуваше, 2015; Ягафова, Иванова, 2017; 2019].

Предметом исследования стали современные мемориальные практики православных чувашей, составляющих абсолютное большинство народа. Его основная задача – охарактеризовать взаимосвязь традиционных элементов и новаций в процессе функционирования и формирования актуальных культовых практик, связанных с поминовением предков. Решение этой задачи связано с поиском ответов на следующие проблемные вопросы: Какие элементы традиционного, т.н. «языческого», комплекса поминальной обрядности сохраняются и почему? Какие блоки обрядности, каким образом и почему трансформируются? Какие новации и почему внедряются в современные мемориальные практики православных чувашей?

Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в Самарской области (Иса克林ский, Похвистневский, Челно-Вершинский, Шенталинский районы), Республике Татарстан (далее – РТ; Аксубаевский, Нурлатский районы) и

Чувашской Республике (далее – ЧР; Марпосадский, Урмарский районы) в 1999–2021 гг. [ПМА 1999–2021].

Поминальные дни

Поминальные обычаи чувашей включают 1) ритуалы по конкретным умершим членам семьи и родственной группы и 2) поминальные обряды по всем умершим родственникам. К первой группе относятся поминовение на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, на полгода, год, два и три года и последующие годовщины. Из них поминки на 20-й день в последние десятилетия проводятся только в кругу семьи и под влиянием церкви стали считаться необязательными, а поминовение на 9-й день проходит с участием только ближайших родственников. Годовщины проводят до 3-х лет в обязательном порядке, а в последующие годы – по желанию родственников, но обычно только в кругу семьи.

Наиболее важными считаются «поминки 40-го дня» (*хёрёх кунё*), которые могут провести и на 38-й или 39-й дни. Считается, что до 40-го дня душа умершего ещё пребывает на этом свете, и его земные дела рассматривают на Божьем суде и определяют, какой будет участь покойного на том свете. С этими представлениями связан ряд обычаев: до 40-го дня не выключать свет в доме покойного и оставлять на столе стакан с водой и куском хлеба. На 40-й день душа усопшего прощается с домом и родными, так как ей уже определено место в ином мире. Поэтому по окончании поминок «провожают душу» покойного. Этот обычай существует с разной степенью ритуализированности среди большинства православных чувашей. Общим является выход участников обряда на улицу в сторону кладбища и «прощание» с покойным. Как варианты можно рассматривать вынос зажжённых свечей, выход в переулок в сторону кладбища с угощениями – домашним пивом *сăра*, выпечкой [ПМА, 1999].

Как правило, душу «провожают» после полночи, но в некоторых сёлах Исакинского района в последнее время ритуал проводится и днём – по окончании поминальной трапезы [ПМА, 2016]. В других селениях того же района (п. Зелёный, сс. Малое Микушкино, Самсоновка) соблюдают обычай ночного бдения, связанный с представлением о том, что душа покойного покидает дом в ночь с 39-го на 40-й день. Поэтому поминают на 39-й день, а на следующий день душу покойного «присоединяют» (*хутайштарасçё*) к другим покойным родственникам [ПМА, 1999].

В сёлах Аксубаевского, Нурлатского, Чистопольского районов РТ оба ритуала проводят на 40-й день, но в одних селах стараются завершить до 12 часов дня, поскольку полагают, что в полдень «душа отправляется на суд», а в других сёлах засиживаются до вечера. Допускается проведение обряда на 37-й или 39-й дни, но обязательно в определённый день – в понедельник, четверг или субботу. При этом православные совершают те же действия, что и их некрещёные соседи: проводят ритуалы «проводов души» и «присоединения» к ранее умершим родственникам, исполняют особую песню *вилёюпа юрри*, зажигают свечи и т.д. [ПМА, 2021аб].

Поминальные обряды по всем умершим родственникам (*ваттисем, радител, родиль*) совершаются в соответствии с православными обычаями: в субботу перед масленичной неделей (Вселенская Родительская суббота), по субботам 2-й, 3-й и 4-й недель Великого Поста, на Радоницу (во вторник после Пасхальной недели), в субботу перед Троицей и в Дмитриевскую субботу. В отдельных селениях сохраняется обычай летнего поминовения в четверг перед Троицей (*Симёк*). В ряде селений Закамья принято поминать на кладбище в среду перед Вознесением [ПМА, 2020а].

Среди поминальных обрядов, справляемым по всем умершим, особо выделяются три, приуроченные к православным праздникам: Пасхе, Троице и св. Дмитрия Солунского. Они известны большинству православных чувашей.

Весеннее поминовение *Мункун ваттисем* совершается обычно на Радоницу, т.е. во вторник после Пасхи, но в ряде чувашских селений в закамских районах Республики Татарстан и в Чувашской Республике поминовение проводят в понедельник пасхальной недели [ПМА, 2020б, 2021а: У, б: А]. Такой порядок соответствует принятой у некрещёных чувашей последовательности отмечать Пасху в среду Страстной недели, а на следующий день поминать предков. У православных чувашей сс. Беловка, Старое Тимошкино Аксубаевского района, проживающих по соседству с некрещёными, сохраняется и традиционное название ритуала – *сұрта*

кун (день свечи). Ритуал, как правило, проводится дома, а на кладбище жители выходят на Радоницу [ПМА, 2002].

Соседство с некрещёными чувашами отразилось и на проведении *Симёк* в четверг в с. Старое Тимошкино, Урмандеево Аксубаевского района, Аксумла, Абрьскино, Ерепкино, Якушкино Нурлатского района [ПМА, 2002; 2005 а, б; 2021б]. Однако в большинстве сёл в последние три десятилетия обряд постепенно смещается с четверга на субботу, с одной стороны, для удобства посещения кладбища городскими родственниками, а с другой – под влиянием православной традиции. В некоторых селениях, например, Нурлатского (с. Егоркино, Салдакаево) и Чистопольского (с. Верхняя Кондрата) районов на кладбище выходят в день Троицы, но этот обычай, как и поминовение предков в понедельник пасхальной недели, местные священники пытаются скорректировать, хотя, например, в Урмандеево проводят панихиду на кладбище в четверг [ПМА, 2021а, б].

Осеннее поминовение предков крещёные чуваше обычно проводят в Дмитриевскую субботу, но в некоторых селениях оно приурочено к местному престольному празднику и проходит накануне [ПМА, 2002: СТ]. В с. Урмандеево часть православных жителей проводит ритуал в соответствии с чувашской традицией в четверг после Покрова Богородицы (14 октября) при убывающей луне. В Савгачево того же района большинство православных поминают в один день с некрещёными, но часть жителей – ещё до Покрова [ПМА, 2021а]. В ряде местностей обряд сохраняет традиционное название – *Кёр сари*, но в большинстве случаев его называют *Ваттисем* или *Радител / кёрхи радител* и т.д. Необычное название обряда *Хуплу каç* (дословно «вечер хуплу») существует в ряде сёл Иса克林ского и Сергиевского районов Самарской области [ПМА, 1999; 2020а]. Оно происходит от названия центрального блюда поминальной трапезы – закрытого мясного пирога *хуплу* – основного атрибута обряда.

Поминальные дни у православных, как и у некрещёных чувашей, сопровождаются гостеванием у родственников – *ретне сўрени / эртеле кайни*. При этом традиционный порядок, объединявший родственников по мужской линии, в последние десятилетия существенно изменился и включает и женскую линию родства, а иногда и соседей, и друзей. Соблюдается последовательность обхода – из «основного» дома (*тён кил*), т.е. родового гнезда, в сторону кладбища. Однако коронавирусные ограничения 2020–2021 гг. значительно повлияли на обычай, в одних сёлах ограничив масштабы гостеваний, а в других – временно прекратив их [ПМА, 2021б].

Православие и язычество

Некоторые ритуалы православных чувашей, такие как «проводы души», «присоединение» и другие, как указывалось выше, совпадают с обрядами некрещёных чувашей и восходят к общечувашской религиозной традиции – *чаваш тёнё*. Ритуал «проводов души» является одним из элементов обряда *юпа* [Raasonen, 1949, 79], с которым сопоставимы поминки сорокового дня. В с. Урмандеево Аксубаевского района обряд так и называют – *юпа*. Упомянутая выше песня *вилё/юпа юрри* полностью совпадает по тексту и мелодии с *юпа юрри* некрещёных чувашей. В Савгачево, где православные соседствуют с некрещёными, *юпа юрри* исполняют обязательно, поскольку считают, что без неё покойный не обретёт на том свете человеческого голоса и будет вить, как собака: «*Çак юрра юрламасан вилнё сын леш тёнчере йитй сассине сўрет, теçсё* (Говорят, если эту песню не спеть, покойный на том свете лает по-собачьи)» [ПМА, 2021а]. В целом, сохранение языческих обычаев местные жители объясняют тем, что они уже перемешались с некрещёными (*этир кунта чавашсемне пйтрайшанса пётнён*) [ПМА, 2021а, в, г, д].

В некоторых чувашских селениях соблюдается последовательность трапез, принятых на *юпа*. Так, после «проводов души» в с. Мусирмы Урмарского района ЧР проводят трапезу с угощением пивом *Аса курки / ама курки* (дословно «мужской ковш» / «женский ковш»). Мужчина и женщина друг за другом обходят всех участников пивом, а остатки выпивают сами. Кружки, из которых угощали пивом, по окончании трапезы они забирают с собой [ПМА, 2020в].

В отдельных селениях, как, например, в Сидулово-Ерыкле Аксубаевского района, крестившихся в конце жизни стариков на 40 дней поминают и «по-

чуваши» (*ч'авашла*), и «по-кряшенски» (*крешёнке*), при этом сам обряд называется юпа. Оба ритуала проходят одновременно в разных помещениях, а различие между ними заключается в том, что во время православного ритуала читают Псалтирь, проводят панихиду, в том числе в присутствии священника, и не пьют спиртного [ПМА, 2021а].

Сложные синкретические формы мемориальных практик распространены в конфессионально-смешанных селениях, в которых столетиями соседствуют православные (*крешёны*) и некрещёные чуваша (*ч'аваши*). Такие примеры известны в сс. Староганькино Похвистневского района, Старое Афонькино Шенталинского района, Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области, сс. Якушкино Нурлатского района, Савгачево Аксубаевского района РТ [ПМА, 2021а, б, в, г, д]. Православные чуваша, имеющие в родне некрещёных, поминая их, выполняют ритуал *хывни* – воздаяние пишей предкам: кусочки поминальной еды и напитков собирают в общей посуде и выносят в «чистое место», где накануне в честь покойных была принесена животная жертва (овца / баран, курица / петух). Обязательной частью ритуала является зажжение свечей в честь трёх поколений умерших родственников. В таких родственных группах, как правило, поминают дважды: с крещёными и некрещёными. Обе конфессии вместе участвуют в ритуальных гостеваниях *рет* на весенних и осенних поминках, вместе навещают могилы родственников на обоих кладбищах на *Симёк*. Особенно часто такое сочетание поминальных практик встречается в конфессионально-смешанных семьях, где один из супругов или его родители некрещёные. При этом православные чуваша не считают такое поведение греховным (*Вёсене туни сыл'ах мар*) [ПМА, 2021г].

Другая часть жителей, предки которых относительно давно, более ста лет назад, приняли христианство, хотя и участвует с некрещёными в обрядах, однако дистанцируется при проведении основных ритуалов как от них, так и от неофитов. Из интервью с Максимовой Ю.Н., 1942 г.р., и Моляновой Е.Т., 1929 г.р., жительницами с. Староганькино:

«Во время поминок они (некрещёные – Е.Я.) проводят хывни, а мы не проводим. Когда мы к ним ходим на похороны, только сидим и смотрим. Сами не выходим. Они всё сами делают. На кладбище после похорон они разжигают костёр и перешагивают через него. Хотя у нас нет такого обычая, мы тоже перешагиваем. Мы не говорим, что нам нельзя этого делать. На юпа во время проводов покойного тоже мы не выходим, а чуваша выходят. А мы сидим в доме и ждём, пока они не зайдут.

– Ну, например, чуваша проводят хывни на поминках. Вы тоже в этом участвуете?

– Мы, как и все, отрываем кусочки еды и складываем, потому что неудобно выделяться, ведь. Но на улицу не выходим, не выносим, они сами выходят втроём или впятером» [ПМА, 2021в].

Из интервью с Г.К. Пантериной, 1956 г.р., с. Салдакаево:

«Мы, крещёные, отрываем кусочки, но на улицу особо не выходим. На мой взгляд, это будет нарушением. Но очень близкие родственники выходят» [ПМА, 2021б].

Устойчивое бытование *хывни* среди крещёных чувашей, вероятно, связано со стремлением следовать обычаю предков (*ваттисен й'али*), которое подкрепляется разного рода назидательными историями, например, о том, что покойные, которых помянули без *хывни*, вынуждены есть на том свете разжёванную еду, а не цельные куски, которые собирают во время *хывни*. В том случае, если в семье не принято выносить ритуальную еду на улицу, на осенние и весенние поминки в доме зажигают свечи, которые могут быть и не связаны с памятью об определённых родственниках, а посвящены дому или семье [ПМА, 2021а].

Таким образом, в религиозном поведении православных жителей конфессионально-смешанных (православно-языческих) селений проявляется двойственность: с одной стороны, желание быть частью единого сельского сообщества, не особо выделяясь из него и игнорируя при этом «запреты» на ритуальное общение с «иноверцами», а с другой стороны – стремление подчёркивать свою конфес-

сиональную принадлежность осознанным «неучастием» в ряде ключевых ритуалов (мы-они). Некрещёные соседи, в свою очередь, также проявляют обособленность от христиан тем, что называют себя «чувашиами» (*чӳваши*), а православных – «кряшенами» (*крешӗн*), свою веру и всё, что с ней связано – «чувашской», противопоставляя её «русской вере» христиан. Например, в Староганькино языческое кладбище все жители называют «Чувашским кладбищем», а православное – «Русским» [ПМА, 2021в].

В целом, в таких селениях православная поминальная традиция слабая, и жители отмечают отсутствие практики проведения домашних панихид, отсутствие «лидеров» общины [ПМА, 2021в]. Наоборот, включённость православных чувашей в той или иной степени в ритуальные практики некрещёных характеризует религиозную жизнь христианской части селения как двоеверие, которое проявляется, при этом, ситуативно, в совместных ритуалах с некрещёными.

Под влиянием языческих традиций в отдельных селениях православные чувашаи совершают еженедельные поминки до 40-го дня, известные у некрещёных как «четверговые» поминки (*эрнекас асӑнни*), проводимые до ритуала *юпа*. Однако христиане перенесли их на субботу, когда обычно топят бани, поскольку мытьё в ней составляет обязательную часть ритуала. Для покойного в предбаннике вешают полотенце, которым во время похорон протирали его лицо, а также гроб и стены дома. Считается, что этим полотенцем покойный «вытирается» после бани, живые им не пользуются. После каждого мытья в бане его стирают, высушивают, а через неделю снова несут в баню. Так же поступают с одеждой для покойного [ПМА, 2021б: С].

Наряду с *Симёк*, *Кёр сӑри* и другими обрядами традиция «субботних поминок» православных чувашей демонстрирует такую особенность поминальных практик в чувашских православно-языческих селениях, как «параллельное» существование обычаев и обрядов, разделённых только временем их проведения, но при этом достаточно устойчивых на сегодняшний день, что объясняется, вероятно, всё той же консервативностью похоронно-поминальных обычаев народов в целом. Однако в рассуждениях о будущем чувашских обычаев информанты нередко высказывают намерение оставить их, в частности, ритуал *хывни*, ссылаясь на заветы старших, которые перед смертью, якобы, даже настаивали на этом: «*Эпӗ ачасене хам виличчен “Урӑх ан хывӑр, малалла пире ваттисене асӑнса кӑна сийӗр”, тесе, хӑварасиӑн. Савӑн нек шухӑш пур-ха манӑн. Халь вӗт пит хывмаççӗ. – Пирӗн ани те “Эпир вилсен, пире асӑнакан та пулмӗ”, течӗ* (Я хочу своим детям сказать перед смертью: “Больше не проводите хывни, впредь только поминайте едой”). Вот такая мысль у меня есть. Сейчас ведь особо не проводят хывни. – Наша свекровь тоже говорила: “Когда мы умрём, никто нас не будет поминать”» [ПМА, 2021б: Я]. Таким образом, изменения в мемориальных практиках православных чувашей в конфессионально-измененных селениях, в частности, исчезновение языческих ритуалов в них, может быть связано с сознательным отказом от последних в пользу православной традиции.

Жертвоприношение

Важнейшим элементом подготовки и проведения поминального обряда является жертвоприношение. В честь покойного и в дар ему режут домашнюю птицу (курицу или петуха) или скот (барана или овцу). Это правило соблюдается обязательно на поминках 40-го дня, поскольку считается, что жертва будет служить покойному на том свете в качестве ездового животного. В честь покойного мужчины режут барана, для женщины – овцу, но в некоторых сёлах, например, в Савгачево, стараются в обоих случаях резать овцу, символизирующую, как объясняют жители, «продолжение рода». Из головы и конечностей варят суп – *кукар яшки*, который едят дома, а кости с мясом родственники покойного берут с собой на кладбище, когда ездят «пригласить» покойного на поминки: мясо съедают, а кости оставляют на могиле. Таким образом, на стол подают последовательно два блюда: *кукар яшки* и *сӳрме яшки*. Из баранины также пекут закрытые пироги *хуплу* – от 3-х до 9-ти, но обязательно нечётное число; их подают в течение поминок [ПМА, 2021а].

Кровавое жертвоприношение считается обязательным также во время осенних поминок («*кёркунне юн кӑлармалла, тещӗ, вильӑх пусмалла*») (говорят, осенью

нужно кровь пролить, животное резать)) [ПМА, 2021б: С]. Режут петуха или барана, в больших родственных группах – несколько животных и птиц. На мясном бульоне варят основное блюдо поминального стола – куриный суп с лапшой *салма яшки* или суп из баранины какой *шурпи / аш яшки*, с добавлением внутренностей – сурме яшки [ПМА, 2020б; 2021а: У]. В ряде сёл сохраняется традиция приготовления кровяной колбасы *юн тултармайш* [ПМА, 2020а].

Трапеза

В большинстве случаев православные чуваша поминают умерших родственников дома блинами с мёдом – по поверью, в такой день непременно в доме должно пахнуть жареными на сковороде блинами («*шатма шярши кълармалла*»), при этом первый блин откладывают и отдают собакам. В храмовых сёлах одобряется участие в поминальной службе в церкви, куда приносят для причта пакеты с поминальной едой, в том числе обязательно приготовленные в доме покойного блины или пироги. Могут также пригласить священника на домашнюю трапезу [ПМА, 2020а].

Трапеза занимает в поминальной обрядности значимое место. На столе присутствуют как обязательные для обряда кушанья (блины из дрожжевого теста с мёдом, кутья из риса с изюмом, кисель, пироги), так и блюда современной кухни: салаты, овощная и мясная нарезка, рыба, фрукты, конфеты. Поминальная пища определяется временем проведения обряда – в пост исключены мясо, молочные продукты, в строгий пост – также рыба и растительное масло. Угощение предполагает подачу супа, второго блюда (гороховая / гречневая каша, картофельное пюре с мясом или рыбой), напитков. Домашнее пиво, традиционно подаваемое чувашами во время поминок, часто заменяется покупным или компотом из сухофруктов (из свежих и замороженных ягод запрещён) и соками; участникам обряда могут поднести кагор или более крепкие напитки. Поминальные трапезы в большинстве случаев совершаются дома, однако в последние десятилетия распространился обычай заказывать для поминок 3-го дня, дня похорон, проводимого с участием большого числа односельчан и родственников покойного, кафе, где предлагается специальное поминальное меню, включающее ритуальные блюда; меню составляется с учётом поста. Для транспортировки участников обряда нанимаются автобусы [ПМА, 2020а].

Более традиционный порядок подачи блюд сохраняется в селениях, где православные чуваша проживают по соседству с язычниками. Здесь последовательно подают супы *кукар яшки*, *сурме яшки*, кашу из двух видов зерна (гречка, рис) и гороха, куриный суп с блинчиками, пироги *хулу* [ПМА, 2021а: С].

Особый вопрос, часто обсуждаемый чувашами в контексте поминальных обычаев, – распитие крепких спиртных напитков. В целом, православные чуваша не одобряют его, однако допускают ритуальное угощение небольшим количеством самогона или водки, оправдываясь тем, что и покойный тоже «пропускал рюмку-другую». При этом угощение спиртным проходит не за поминальным столом, а в другой комнате или на улице [ПМА, 2021е]. В с. Мусирмы угощение спиртными напитками является обязательным – каждый житель села, отправляясь на кладбище, несёт с собой бутылку вина или водки/самогона. При этом напиток он может и не пить, а только пригубить поднесённый стакан. Отказ от угощения может обернуться нечаянным недугом, т.е. покойник может «наказать» за непочтение. Считается, что если во время угощения на кладбище или во время домашних поминок кого-то случайно пропустили, то ему самому следует попросить рюмку со спиртным [ПМА, 2020в]. Так подтверждается обычай обязательного участия всех присутствующих в ритуальном угощении.

Поминальная трапеза, в целом, остаётся одним из важнейших ритуалов, участие в котором считается обязательным для родственников и близких покойного. Поэтому отказ от неё порицается и, согласно поверьям, может обернуться для человека, нарушившего обычай, несчастьями. «*Виле нуçё хытӑ* (дословно – «Голова мертвеца жестокая»)), – говорят чуваша.

Дары

Обычай одаривания – подношение даров участникам обряда от имени покойного, «на память» о нём (*асӑнмалӑх*). В последние годы он подвергся частичным изменениям. Раздача суровых ниток (по три нитки на человека) проводится редко,

обычай постепенно исчезает по причине резко негативного отношения к обычаю со стороны церкви. В тех сёлах, где он ещё сохраняется, гадают по длине нитей: если все три нитки одинаковой длины, то это предвещает скорую смерть в родне. В некоторых сёлах, наоборот, недобрым предвестием считаются нити разной длины. В любом случае желательнее быстрее употребить их в домашнем хозяйстве – зашить, заштопать, иначе, как полагают местные жители, они могут попасть в руки местных колдунов (*тухатмйшсем*) и использоваться в магических целях; это была одна из причин, по которой перестали раздавать суровые нитки. Вероятно, с этими же свойствами суровых нитей связана практика их ношения на запястье руки или в больном месте, ношения с собой «на удачу» в дорогу [ПМА, 2021б].

Одаривание происходит на всех поминках по конкретным умершим родственникам. Практикуется подношение носовых платков, салфеток, мыла, посуды. Особо строго следят за этим на поминках 40-го дня – должно быть роздано не менее 40 даров, что предполагает присутствие не меньшего числа участников обряда. По другим случаям обычно собираются 20–30 человек. Наибольшее число участников обряда присутствует на поминках 3-го дня, совпадающего, как правило, с похоронами. Им раздают разорванные куски вафельного полотенца, использованного для выноса тела из дома и при погребении, и по кусочку мыла, которое нужно использовать до поминок 40-го дня. В последние десятилетия исчез обычай раздачи родственникам личных вещей покойного [ПМА, 2020а].

Одаривание всегда носит взаимный характер – участники обряда также приносят с собой продукты (крупы, муку, горох), готовые изделия (блины, печенье, пряники, конфеты, консервы, соки и т.д.), либо фрукты. Часть из них сразу выставляется на поминальный стол, оставшееся же употребляется в пищу после поминок. Кроме этого, каждый вручает хозяевам по 2 свечи (обязательно чётное число) или деньги на их покупку (около ста рублей). Близкие родственники подносят крупные суммы, разделяя тем самым с семьёй покойного материальные затраты на организацию поминок [ПМА, 2020а]. Таким образом, во взаимном одаривании проявляется коллективный характер обряда, направленного, в том числе, на укрепление социальных (родственных, соседских) связей.

Церковь и паства

С открытием в чувашских сёлах приходов и храмов в последние десятилетия возросла роль православной церкви в поминальной обрядности. Прихожане стали чаще заказывать в храме требы, в том числе и панихиды. Как выразился священник с. Девлезеркино, о. Олег, «читать усопших для них святое, поминки здесь регулярно устраивают». Отпевание и панихиды в доме покойного, совершавшиеся обычно группой пожилых женщин (*юрлакансем*) на чувашском языке, постепенно вытесняются соответствующими ритуалами, которые проводит священник в сельской церкви на русском языке. Однако это новшество не всегда устраивает прихожан, признающих, что они испытывают больше эмоциональных переживаний во время обрядов на чувашском языке и в домашних условиях. Поэтому по возможности перед трапезой дублируют панихиду на чувашском языке [ПМА, 2020а; 2021ж].

Часть поминальных ритуалов на Радоницу и *Симёк*/Вознесение совершается на кладбище и сопровождается ритуальным «кормлением» предков: принесённую из дома еду (блины с мёдом, крашеные яйца на Радоницу и др.) раскладывают на могилу, кресты/памятники и в специальную посуду, постоянно находящуюся на могиле. В ряде селений существует обычай разбрасывать на могиле пшено. Напитки (пиво, соки) также льют на могилу и оставляют в сосуде. Считается, что обязательно нужно «напоить» покойного чистой водой – по поверью, на том свете вода очень дорога. Именно поэтому в поминальные дни принято выливать ведро чистой воды во дворе; на поминальный стол обязательно ставят стакан с водой, которым обносят всех за столом; стакан с водой стоит все 40 дней после смерти на столе в доме покойного. Еду и воду на кладбище раздают и разливают всю, в том числе и на соседние могилы, её нельзя забирать домой, как и пластиковую посуду и пакеты, которые оставляют в мусорных контейнерах при выходе с кладбища [ПМА, 2020а; 2021а].

Ритуал «кормления» вызывает наиболее частые конфликты между паствой и священниками, убеждающими первых в бессмысленности этого ритуала: «Душу

кормить невозможно, так как душа бестелесная. Душа мирской пищей не питается» [ПМА, 2021ж]. В качестве компромисса священники предлагают раскладывать еду на крестах, а не на земле, последнее сами чувашаи также признают «некультурным» [ПМА, 2021а: У]. Вместе с тем, православными чувашами этот ритуал воспринимается в качестве «своей» традиции («*въл вёт ёлэкрэн килекен йала, пурте çапла тавачçе*» (это старый обычай, все так делают)), которой христиане придерживаются так же, как и некрещёные, вопреки увещаниям священников («*Итлеместпёр çав, мёншиён тесен въл пиртен тухнй йала мар. Масар сине ёсмелли-çимеллисене крешиёнсем те, чавашёсем те хураççе* (Не слушаемся ведь (батюшку – Е.Я.), потому что обычай не нами заведён. Еду на кладбище раскладывают и кряшены, и чувашаи); «*А пирён йала-йёркесем пирён юна кёрсе юлнй, эфир вёсене пурпёр таванпёр*» (А наши обычаи вошли у нас в кровь, мы их всё равно исполняем)) [ПМА, 2021а: С; 2021б: Я]. Как выразилась жительница с. Савгачево Н.С. Леонтьева, «руки сами тянутся, привыкли» [ПМА, 2021а]. Вера в обязательность и необходимость данного ритуала позволяет православным чувашам противостоять церкви в вопросе о его сохранении или исключении из актуальной практики. Вероятно, тем самым чувашаи признают и демонстрируют приоритет родственных связей и культа предков перед церковными канонами.

Кладбище

Родовой принцип захоронения на кладбище в последние десятилетия сменился рядовой планировкой. Это связано, с одной стороны, с попыткой сельских администраций навести порядок на кладбище, избежать хаотичности захоронений, с другой стороны, с погребением на нём не только жителей села, но и «чужаков» – дальних родственников или свойственников, а в-третьих, с высокой плотностью захоронений в старой части кладбища, что вынуждает родственников хоронить «своих» на свободных участках кладбища.

Посещение кладбища – не только повод помянуть умерших родственников, но и пообщаться с живыми. Это касается, в первую очередь, летнего поминовения предков – *Çимёк*. После визита на кладбище начинаются гостевания родственников, нередко специально приезжающих из других городов, регионов и стран. «На Семик как на ярмарке бывает», – говорят обычно информанты, отмечая также, что *Çимёк*, а вслед за ним и Троица являются главными праздниками села [ПМА, 2021а: У; 2021д]. Такая практика распространена в большинстве районов проживания чувашей.

Благоустройство кладбищ связано с уборкой территории во время субботников, проводимых по инициативе сельских администраций, а также с частным уходом за могилами родственников. На могильные холмики, как правило, сажают цветы; прекратилась посадка деревьев и кустарников, что связано с поверьем о том, что корни деревьев, прорастая в почву, мешают покойным. Принято огораживать могилу и прилегающую территорию для семейных/супружеских захоронений, но последняя не должна пустовать (в противном случае, по поверьям, могут умереть другие члены семьи), поэтому в ограде рядом с могилой часто сооружают стол и скамейку. Данный обычай восходит к чувашской традиции ставить маленькие ритуальные столик и стульчик в ходе обряда установления столба *юна*. Однако если некрещёные чувашаи устанавливают их в специальном месте по дороге на кладбище, то православные ставят прямо на кладбище и в дни поминовений раскладывают на столах еду и рассаживаются на скамейках вокруг него. Промежуточным этапом в эволюции этого обычая является, вероятно, «перенос» ритуальных столиков-стульчиков на могилы, который сегодня наблюдается в конфессионально смешанных (православно-«языческих») селениях чувашей Нурлатского района Республики Татарстан [ПМА, 2021б].

При кладбищах, как правило, существуют домики, где хранится инвентарь для рытья могил, носилки для переноса гроба. В зимнее время они могут отапливаться, в том числе дровами, заготовленными из срубленных на кладбище деревьев [ПМА, 2021а]. В сёлах Нурлатского района РТ такие дома были построены на средства местной администрации [ПМА, 2021б].

Новации

С распространением новых информационных технологий мемориальные практики проникли в социальные сети. В частности, в группах селений в соцсети Одноклассники.ру формируются страницы памяти односельчан, на которых размещаются фотографии в траурных рамках умерших жителей села. В комментариях участники группы могут поделиться воспоминаниями об умершем, выразить соболезнования. Аналогичную форму информирования и обратного контакта с близкими, друзьями по социальной сети можно наблюдать и на личных страницах. Таким образом, формируется новое, виртуальное, пространство социального взаимодействия, дающее возможность заочного «участия» в мемориальных практиках тем, кто отсутствовал на них физически. Данная практика дополнила традицию размещения информации о смерти и соболезнований в печатных СМИ, бытующую, например, в сельских районах Самарской области. При этом сначала размещаются извещение о смерти и соболезнования родственников и коллег, затем, через определённое время, – благодарность родственников за помощь, оказанную при организации похорон, а в отдельных случаях – обращение к родным и знакомым с просьбой помянуть по прошествии 40 дней, года и нескольких лет [ПМА, 2021ж].

Важным каналом вовлечения жителей сёл в религиозную жизнь являются страницы приходов в социальных сетях. Местные священники активно размещают информацию о текущих делах прихода и об особых событиях, в том числе напоминают жителям о поминальных днях. В Республике Чувашия такую же роль выполняет журнал «Ырă хыпар» («Добрая весть»), издаваемый Чебоксарской епархией [ПМА, 2021з].

Новацией является посещение кладбища и могил родственников в дни смерти и рождения, а также в случае визита родственников, проживающих в городах. Однако они не одобряются населением, поскольку противоречат чувашскому обычаю не беспокоить лишним раз покойных; навещать могилы следует в поминальные дни. Последнее связано с двойственным отношением к покойным предкам: с одной стороны, как к покровителям, а с другой – как к представителям иного, опасного для живых людей, мира. Это правило закреплено в фразе «Мы вас поминаем, но вы о нас не вспоминайте».

Заключение

Таким образом, в современных мемориальных практиках православных чувашей частично сохраняются элементы традиционных (чувашских) поминальных обрядов, вероятно, вследствие территориальной близости к селениям некрещёных чувашей и влияния со стороны последних, а также из-за консервативного характера самой поминальной обрядности, тяготеющей к устоявшимся, привычным формам ритуального поведения. Особенно зримо эти элементы проявляются в обрядах жителей конфессионально-смешанных (православно-языческих) селений. Однако в своей основе мемориальные практики носят христианский характер и ориентированы на календарные даты, акциональную и атрибутивную стороны православной поминальной культуры. Вместе с тем, под влиянием урбанизации, усиливающейся роли РПЦ в российском обществе, глобализационных процессов они трансформируются в направлении смещения сроков проведения отдельных ритуалов, внедрения новаций в атрибутику (еда, напитки, подарки и т.д.), интеграции в современное информационно-коммуникационное пространство. Мемориальные практики всё больше стремятся выйти за пределы сугубо семейно-родственного социума, с которым они были традиционно связаны, и обосноваться не только в публичном пространстве села, но и в глобальном информационном пространстве.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00127 «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – первые десятилетия XXI в.)»

Acknowledgement

The study was funded by the RFBR, project number 20-09-00127 “Religious Practices of the Chuvash: Traditions and Transformation (late 20th – first decades of the 21st century)”

Библиографический список

1. Белоруссова, С.Ю. Религия в виртуальном пространстве / С.Ю. Белоруссова // Этнография. – 2021. – № 4 (14). – С. 94–118.
2. Бергер, П. Недоработанная концепция / П. Бергер // Религиоведческие исследования. – 2011. – № 3. – С. 103–109.
3. Денисов, П.В. Религиозные верования чувашей. Историко-этнографические очерки / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.
4. Городнева, М.С. Глобализация и феномен религиозного / М.С. Городнева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – Вып. 3. – С. 13–15.
5. Забияко, А.П. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А.П. Забияко [и др.]. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 208 с.
6. Зимова, Н.С. Особенности трансформации религиозных практик в сети Интернет / Н.С. Зимова, Е.В. Фомин // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2020. – Т. 9. – С. 160–164.
7. Карпов, В. Концептуальные основы теории десекуляризации / В. Карпов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30. – № 2. – С. 114–164.
8. Ксенофонтова, И. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» / И. Ксенофонтова // Inter. – 2011. – № 6. – С. 133–144.
9. Кырлежев, А.И. Секуляризм и постсекуляризм в России и мире / А.И. Кырлежев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (52). – С. 161–174.
10. Месарош, Д. Памятники старой чувашской веры / Д. Месарош. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2000. – 360 с.
11. Михайлов, С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / С.М. Михайлов. – Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1972. – 424 с.
12. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. – СПб.: Имп. Академия наук, 1773. – Ч. I. – 657 с.
13. Полевые материалы автора (ПМА), 1999. Самарская область, Иса克林ский район. сс. Большое Микушкино, Малое Микушкино, Самсоновка, Саперкино, п. Зелёный.
14. ПМА, 2002. Республика Татарстан, Аксубаевский район, сс. Беловка, Старое Тимошкино (СТ).
15. ПМА, 2005а. Республика Татарстан, Аксубаевский район, с. Урмандеево (У).
16. ПМА, 2005б. Республика Татарстан, Нурлатский район, с. Аксумла, Ерепкино.
17. ПМА, 2020а. Самарская область, Челно-Вершинский район, с. Девлезеркино.
18. ПМА, 2020б. Чувашская Республика, Марпосадский район, с. Арзаматово.
19. ПМА, 2020в. Чувашская Республика, Урмарский район, с. Мусирмы.
20. ПМА, 2021а. Республика Татарстан, Аксубаевский район, сс. Савгачево (С), Сидулово-Ерыкла (СЕ), Урмандеево (У).
21. ПМА, 2021б. Республика Татарстан, Нурлатский район, сс. Абрьскино (А), Салдакаево (С), Якушкино (Я).
22. ПМА, 2021в. Самарская область, Похвистневский район, с. Староганькино.
23. ПМА, 2021г. Самарская область, Челно-Вершинский район, с. Чувашское Урметьево.
24. ПМА, 2021д. Самарская область, Шенталинский район, с. Старое Афонькино.
25. ПМА, 2021е. Самара, информант – Сомова Л.К., 1964 г.р., уроженка с. Старое Ильмово Черемшанского района РТ.
26. ПМА, 2021ж. Самарская область, Челно-Вершинский район, с. Девлезеркино.
27. ПМА, 2021з. Чувашская Республика, Урмарский район, с. Мусирмы.
28. Прокопьев, К.П. Похороны и поминки у чуваш / К.П. Прокопьев. – Казань: Тип. лит. ун-та, 1903. – 34 с.
29. Радугин, А.А. Постсекуляризм – духовное основание эпохи постмодернизма / А.А. Радугин, О.А., Радугина // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2017. – № 1. – С. 156–164.
30. Салмин, А.К. Система религии чувашей / А.К. Салмин. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.
31. Сбоев, В.А. Заметки о чувашах: Исследования об инородцах Казанской губернии / В.А. Сбоев. – Чебоксары, 2004. – 144 с.
32. Сергеева, Е.В. Национальная пища низовых чувашей (по материалам экспедиций 2008–2009 гг. / Е.В. Сергеева // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 128–157.
33. Сергеева, Е.В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в семейной обрядности и их магические функции / Е.В. Сергеева // Исследования по этнологии чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2021. – С. 243–261.

34. Симбирско-Саратовские чувашы / Под общ. ред. М. Г. Кондратьева. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2004. – 272 с.
35. Тициан, А.С. Концепция десекуляризации в социологии религии / А.С. Тициан // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2016. – № 4. – С. 105–118.
36. Трофимов, С.В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвьё-Леже / С.В. Трофимов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 107–122.
37. Узланер, Д.А. Картография постсекулярного / Д.А. Узланер // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (52). – С. 175–192.
38. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас: Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.
39. Чувашы Присвияжья: история и культура / Под ред. В.П. Иванова, Г.Б. Матвеева. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. – 303 с.
40. Ягафова, Е.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей Самарского Заволжья (бассейна р. Сок): традиции и современность / Е.А. Ягафова, А.И. Иванова // Традиционная культура. – 2017. – № 2. – С. 45–56.
41. Ягафова, Е.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей северо-востока Самарского Заволжья (верховья р. Большой Черемшан): традиции и современность / Е.А. Ягафова, А.И. Иванова // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 79–90.
42. Яковлев, А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму / А.И. Яковлев // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 4–38.
43. Яковлев, А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации / А.И. Яковлев // Восточная аналитика. – 2015. – № 3. – С. 7–19.
44. Paasonen, H. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen gesammelt von Heikki Paasonen, herausgeben von Eino Karanka und Martti Rässanen / H. Paasonen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1949. – 381 p.

Текст поступил в редакцию 05.12.2022.

Принят к печати 13.02.2023.

Опубликован 29.06.2023.

References

1. Belorussova S.Yu. *Etnografiya* [Ethnography]. 2021, no. 4 (14), pp. 94–118 (in Russian).
2. Berger P. *Religiovedcheskiye issledovaniya* [Religious studies]. 2011, no. 3, pp. 103–109 (in Russian).
3. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvashy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Religious beliefs of the Chuvash. Historical and ethnographic essays]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatelstvo, 1959, 408 p. (In Russian).
4. *Polevye materialy avtora, 1999. Samarskaja oblast', Isaklinskij rajon. ss. Bol'shoe Mikushkino, Maloe Mikushkino, Samsonovka, Saperkino, p. Zelyonyj* [Field materials of the author, 1999. Samara region, Isakli district. Bolshoe Mikushkino, Maloe Mikushkino, Samsonovka, Saperkino, Zeleny] (in Russian).
5. *Polevye materialy avtora, 2002. Respublika Tatarstan, Aksubaevskij rajon, ss. Belovka, Staroe Timoshkino (ST)* [Field materials of the author, 2002. The Republic of Tatarstan, Aksubayevsky district, Belovka, Staroe Timoshkino (ST)] (in Russian).
6. *Polevye materialy avtora, 2005a. Respublika Tatarstan, Aksubaevskij rajon, s. Urmandeevo (U)* [Field materials of the author, 2005a. The Republic of Tatarstan, Aksubayevsky district, Urmandeevo (U)] (in Russian).
7. *Polevye materialy avtora, 2005b. Respublika Tatarstan, Nurlatskij rajon, s. Aksumla, Erepkino* [Field materials of the author, 2005b. The Republic of Tatarstan, Nurlatsky district, Aksumla, Yerepkino] (in Russian).
8. *Polevye materialy avtora, 2020a. Samarskaja oblast', Chelno-Vershinskij rajon, s. Devlezerkino* [Field materials of the author, 2020a. Samara region, Chelno-Vershinsky district, Devlezerkino] (in Russian).
9. *Polevye materialy avtora, 2020b. Chuvashskaja Respublika, Marposadskij rajon, s. Arzamatovo* [Field materials of the author, 2020b. Chuvash Republic, Marposadsky district, Arzamatovo] (in Russian).
10. *Polevye materialy avtora, 2020v. Chuvashskaja Respublika, Urmarskij rajon, s. Musirmy* [Field materials of the author, 2020v. Chuvash Republic, Urmarsky district, Musirmy] (in Russian).
11. *Polevye materialy avtora, 2021a. Respublika Tatarstan, Aksubaevskij rajon, ss. Savgachevo (S), Sidulovo-Erykla (SE), Urmandeevo (U)* [Field materials of the author, 2021a. The Republic of Tatarstan, Aksubayevsky district, Savgachevo (S), Sidulovo-Yerykla (SE), Urmandeevo (U)] (in Russian).
12. *Polevye materialy avtora, 2021b. Respublika Tatarstan, Nurlatskij rajon, ss. Abryskino (A), Saldakaevo (S), Jakushkino (Ja)* [Field materials of the author, 2021b. The Republic of Tatarstan, Nurlatsky district, Abryskino (A), Saldakaevo (S), Yakushkino (Ya)] (in Russian).

13. *Polevye materialy avtora, 2021v. Samarskaja oblast', Pohvistnevskij rajon, s. Starogan'kino* [Field materials of the author, 2021v. Samara region, Pokhvistnevsky district, Starogankino] (in Russian).
14. *Polevye materialy avtora, 2021g. Samarskaja oblast', Chelno-Vershinskij rajon, s. Chuvashskoe Urmet'evo* [Field materials of the author, 2021g. Samara region, Chelno-Vershinsky district, Chuvash Urmet'evo] (in Russian).
15. *Polevye materialy avtora, 2021d. Samarskaja oblast', Shentalinskij rajon, s. Staroe Afon'kino* [Field materials of the author, 2021d. Samara region, Shentalinsky district, Staroe Afonkino] (in Russian).
16. *Polevye materialy avtora, 2021e. Samara, informant – Somova L.K., 1964 g.r., urozhenka s. Staroe Il'movo Cheremshanskogo rajona RT* [Field materials of the author, 2021e. Samara, informant – Somova L.K., born in 1964, a native of the village of Staroe Il'movo, Cheremshansky district of the Republic of Tatarstan] (in Russian).
17. *Polevye materialy avtora, 2021zh. Samarskaja oblast', Chelno-Vershinskij rajon, s. Devlezerkino* [Field materials of the author, 2021zh. Samara region, Chelno-Vershinsky district, Devlezerkino] (in Russian).
18. *Polevye materialy avtora, 2021z. Chuvashskaja Respublika, Urmarskij rajon, s. Musirmy* [Field materials of the author, 2021z. Chuvash Republic, Urmarsky district, Musirmy village] (in Russian).
19. Gorodneva M.S. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 2015, vol. 3, p. 13–15 (in Russian).
20. Habermas J. *Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?* Frankfurt am Main, 2001, 125 p. (Russ. ed.: Habermas J. *Budushcheye chelovecheskoy prirody*. Moscow: "Ves' Mir" Publ., 2002, 144 p.).
21. Ivanov V.P., Matveev G.B. *Chuvashi Prisiviyazh'ya: istoriya i kul'tura* [The Chuvash of Prisiviyazhie: history and culture]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2015, 303 p. (In Russian).
22. Karpov V. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2012, vol. 30, no. 2, pp. 114–164 (in Russian).
23. Kondrat'yev M.G. (ed.). *Simbirsko-Saratovskiyе chuvashi* [Simbirsk and Saratov Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 2004, 272 p. (In Russian).
24. Ksenofontova I. *Inter*. 2011, no. 6, pp. 133–144 (in Russian).
25. Kyrlezhev A.I. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2013, no. 1 (52), pp. 161–174 (in Russian).
26. Mészáros, D. *Pamyatniki staroy chuvashskoy very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 2000, 360 p. (In Russian).
27. Mikhaylov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariyskogo narodov* [Proceedings on ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary: Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete ministrov Chuvashskoy ASSR, 1972, 424 p. (In Russian).
28. Raasonen H. *Customs and folk poetry of the Chuvash people collected by Heikki Paasonen, edited by Eino Karanka and Martti Räsänen* [Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen gesamt von Heikki Paasonen, herausgeben von Eino Karanka und Martti Räsänen]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1949, 381 p. (in German).
29. Pallas P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1773, vol. I, 657 p. (In Russian).
30. Prokop'yev K.P. *Pokhorony i pominki u chuvash* [Funeral and commemoration at the Chuvash]. Kazan: Tipo-litografiya Universiteta, 1903, 34 p. (In Russian).
31. Radugin A.A., Radugina O.A., *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Vestnik VSU. Series: Philosophy]. 2017, no. 1, pp. 156–164 (in Russian).
32. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashy* [The Chuvash system of religion]. St. Petersburg: Nauka, 2007, 654 p. (In Russian).
33. SboyeV V.A. *Zametki o chuvashakh: Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoy gubernii* [Notes about the Chuvashes: Research on inorodtsy of the Kazan province]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2004, 144 p. (In Russian).
34. Sergeyeva Ye.V. *Aktual'nyye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda* [Modern questions of the history and culture of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 2011, pp. 128–157 (in Russian).
35. Sergeyeva Ye.V. *Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda* [Research on the ethnology of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 2021, pp. 243–261 (in Russian).
36. Titsian A.S. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]. 2016, no. 4, pp. 105–118 (in Russian).
37. Trofimov S.V. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 16. Sociology and Political Science]. 2016, no. 1, pp. 107–122 (in Russian).
38. Uzlaner D.A. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2013, no. 1 (52), pp. 175–192 (in Russian).
39. Yagafova E.A., Ivanova, A.I. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2017, no. 2, pp. 45–56 (in Russian).
40. Yagafova E.A., Ivanova, A.I. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2019, vol. 20, no. 1, pp. 79–90 (in Russian).
41. Yakovlev A.I. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics]. 2013, no. 4, pp. 4–38 (in Russian).

42. Yakovlev A.I. *Vostochnaya analitika* [Eastern Analytics]. 2015, no. 3, pp. 7–19 (in Russian).
43. Zabiyaiko A.P., et al. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyberreligion: science as a factor of religious transformations]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy institut, 2012, 208 p. (In Russian).
44. Zimova N.S., Fomin Ye.V. Osobennosti transformatsii religioznykh praktik v seti Internet [Features of the transformation of religious practices on the Internet]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna* [Sociology of religion in the society of late modernity]. 2020, vol. 9, pp. 160–164 (in Russian).

Submitted for publication: December 12, 2022.

Accepted for publication: February 13, 2023.

Published: June 29, 2023.